

Ярослав Астахов

КНИГА-МАСКА
ПРИТЧИ

18+

Ярослав Астахов

Книга-маска

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Астахов Я.

Книга-маска / Я. Астахов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Притча – это не просто сказ, а такой, что содержит ИНОСКАЗАНИЕ. Автор убежден: самые тонкие и глубокие истины можно передать в полноте лишь посредством притчи. Как и наиболее жизненно важные. Говорят, притча умерла, т.к. современное внимание удостаивает любые тексты лишь беглого просмотра — где ему читать между строк? Но притча многообразна. Она может быть и стилизацией под старину, и явиться в образе космической фантастики, магического реализма, мистического символизма... Кому-то что-то понравится.

Содержание

Что за притча?	5
Двое в одном	6
Достойные смерти	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ярослав Астахов

Книга-маска

Что за притча?

Некогда бытовало выражение «Что за притча?». И значило изумление, потрясение или заинтригованность встречей с чем-то загадочным, непонятным.

А что за слово это такое: притча? Святой четвертого века Василий Великий полагал его отглагольным существительным от «преткнуться» и «притекать». Де: услышишь такое, что поместить не сможешь ты в смысл обыденный, и преткновением сим привлечется внимание ума твоего, и притечешь таким образом к пониманию смысла вышнего.¹

А еще слово «притча» родственно старорусскому «притчет»: народный аллегорический сказ. Нekoгда «причитать» означало не «оплакивать», а нечто подобное современному «читать между строк».

Словом, притча – это не просто сказ, а такой, что содержит иносказание. Как правило – поучительное (хотя и не обязательно). Концовка большинства сказов старинных русских: «сказка ложь, да в ней намек: добру молодцу урок».

Некогда почти любой толковый рассказ был притчей. Или притчу включал.

Что рассказ? Не только произведения малой формы такими были. Эпос о короле Артуре – мозаика, составленная из притч. Русские не только сказки, но и былины, старуны – притчи.

Знает мировая литература и роман-притчу: «Робинзон Крузо». Только мало кто теперь понимает характер его такой. Как не понимало большинство и уже при жизни писателя. Дивился Дефо: видят описание приключений реальных там, где сочинил он плетение хитрых символов, отразившее перипетии бурной английской истории семнадцатого века. Не обращают внимания даже на откровенное подзаглавие, которое Даниэль дал своему роману: аллегория.²

В эпоху поверхностного внимания, говорят, окончилось время притч. Какое там причитать, если уже и читать-то люди не успевают?

И все же как-то не верится, что убита притча совсем (кинатограф же не убил театр). Она ведь может быть писана в любом жанре. И под старину. И в стиле научной фантастики. И в мистически-символьном.

Опыты перечисленного представлены в этой книжке. Надеюсь, что кому-то какой-то из них понравится.

¹ Не удивительно, что разбирал каппадокийский святой тонкости языка руссов. Имя другое каппадокийцев – мосхи: народ, происшедший от Мосоха, сына Иафетова, скифы. Средневековые авторы не сомневались, что Москва на тысячелетия старше, чем Долгорукий, который не основал ее, а только сделал столицей.

² Некоторые полагают, что тут аллегория главная вот такая: ко времени написания романа Дефо разочаровался в радикальных революционных преобразованиях и стал их считать выпадением из цивилизованного хода развития, попаданием на необитаемый остров (тупик истории).

Двое в одном

В заволжских лесах жил старец. Отшельник, пустынный был. От келии своей одинокой он далеко не хаживал. Лишь разве к роднику, за дровами...

Однако один раз в год совершал немаленькую дорогу! Паломничал во святое место, где праведный пострадал Варлаам.

Его, Варлаама-инока, в никонианский обряд обратить пытались. Насильственно и с пристрастием.

Он же, от никониан затворясь в часовне, там принял самосожжение. Вот как!

И старец тот, что из пустыни, приходил пепелищу кланяться.

А жил там инок от нас. Приглядывал молодой за местом за тем святым.

Что надобно – поправлял. Все памяти совершал честные и вообще службы, какие следует.

Конечно, и привечал паломников.

Да мало, кто приходил. Ведь эти-то ремени³ заволжские аж кишели тогда разбойниками!..

И вот сидит наш монашек один, скучает. Неделями человеческого лица не зрит!

А внове ему сие. Не может еще душа-то его, покамест, сама собою стоять: любоваться Богом...

Безлюдием истомился! Все на дорогу смотрит.

И вот. Выходит он однажды к околице: глядь – приближаются по дороге двое.

Стрелец и поп.

Да то не просто стрелец! Не какой-либо из них заурядный! Косая сажень в плечах; в кафтане установленном красном как прямо бог!

И справное вообще он имеет все на себе служилое платье. Секирочку на плече наточенную сверкающую несет!..

А поп? Так и тот величием не уступит! Хоть и на свой манер. Прямо вот плывет будто бы в облачении своем полном – хоть щас и службу справлять!..

Не только наперсный крест – епитрахиль, поручи... Набедренник аж при нем!

Обрадовался таким гостям инок. Спешит отворять ворота.

Вот скрипу было...

А как их открыл – так обмер.

Пуста дорога! Ни тебе стрельца удалого, ни священника облаченного!

Но замечает инок потом: нет, впрочем, дорога-то не совсем пуста. Влачится пустынный старец... Один, как перст! Один, аки пребывает во своей пустыни. И нетути никого с ним рядом.

Да и самого пустынного как бы нет: сливается в своем сером рубище со дорогой...

Подумал инок тогда: а не перебрал ли вчера я лишку?

Ведь он же, тихонько этак, а бражку-т себе поваривал... Так что? Живой человек! Тебе бы вот в глухомань загреметь зрителем...

³ Глухие леса (северный диалект)

Однако перестал тот грешный монашек так со временем думать. Поскольку ведь *каждый год* в день этот одно все видел: стрельца, идущего со священником.

Вот они по дороге шагают, близятся... Но как врата отворит – и нетути никого!

Заходит лишь чахлый старец. Анахорет. Пустынник.

И ведь продолжается это – за годом год.

И потому стал монашек тогда подумывать: не может оно так быть, чтобы с пьяных глаз одно и то же мне, грешному, мерещилось постоянно. Да не без бесов ли тут? Не чинят ли какой хитр-соблазн? Видениями такими не губят ли как-то душу? Молиться надо!

И помолился он, крепко вопросив Бога. И слышит в сердце своем: старцу-анахорету все Расскажи, как есть. И толкования попроси его на имеющее тебе являться.

Он так и сделал.

Дождался вещего дня. И странника немощного того привечал особо. И, ниспросив благословение на беседу, все рассказал ему. Спрашивает:

– Что ж это такое, отче? Двоих я вижу идущими до отворения мною врат. А после же того, как открою, – тебя единого! Смилостивись и вразуми меня, грешного: что это? Знамение ли божие мне? Ну или здесь, напротив, соблазн какой?

Ответствовал ему старец:

– Нет, чадушко, тут соблазна. Зане, ты чудо созерцаешь Господне. Умение, которое преподал мне Он. Затем, чтобы даже я, старик немощный, а мог бы кланяться повсегда пожарищу Варлаамову. Сколь бы ни развелось разбойников, память Варлаамову свершать.

Наставил меня Господь. И теперь: вот ежегодно день в день – как только собираюсь в опасный путь, хоть и ЕДИН грешный будучи, становлюсь... ДВУМЯ!

Один же из тех двух есть праведник. А другой... куда еще даже меня похуже, грешника непролазного! Зато не занимать ему силушки. Грешной, может быть. И вот идет он через леса, секирушкою поигрывая – разбойника в грех не вводит!..

– Велики чудеса Господни! – ответствовал на то инок. – Понятно, зачем стрелец. А ты бы научил меня еще, старче: зачем священник?

– А, чадушко! Так это чтобы против людей добрых не согрешить, коли на пути встретятся. Ведь если бы один стрелец шел – так видели б силу грозную. Только лишь. И через то бы мог их лукавый соблазнить так, что будто бы только сила и есть мерило. А ведь неправда это. У силы место свое, а Бог... Бог не в силе, а в правде! Так вот и правда сия идет в образе того священника в облачении. Радуются встречные-поперечные. Кого поддержит он словом добрым, кому совет передаст от Бога, кого аж исповедует и грехи отпустит, ну а кого, быть может, и повенчает...

Достойные смерти

В одной земле правил царь, прославившийся своей мудростью. Случилось однажды двум иноземцам посетить стольный город этой земли.

Пошли они его главной улицей, да заспорили. Вдруг жарким сделался спор – повздорили! А вздор-то довел до склоки. Склока же – до свирепой драки.

Шум сделался. Набежала стража. Схватили драчунов, да и отвели... аж прям к самому царю.

Ведь в это время дня царь, как раз, вершил суд. В народе разбирал своем всякие нестроения. Как и нелады с пришлыми.

И вот, повелевает царь схваченным:

– Скажите мне предмет спора вашего. Что, интересно знать, побудило нарушить вас покой града моего стольного столь непристойной дракой?

И отвечали чужеземцы царю. И говорили попеременно, перебивая друг друга.

И миновал в таких речах почти час. И слушали приближенные, состоящие в свите царской.

И можно было заметить: склоняются одни на сторону одного, другие ж благоволят иному.

Лицо же царское было непроницаемо в то мгновение, как повелел он схваченным умолчать. И замолчала тогда вся площадь, и огласил венценосный судья решение:

– Во-первых, – произнес он, – я благодарю вас. Ведь, слушая ваши речи, я понял о людях новое. А узнавание о них нового есть наиболее действенное подспорье правящему людьми.

И даже наметил царь, произнеся слова эти, как бы полупоклон венценосной своей главою шумным пришельцам. И продолжал засим:

– Во-вторых. Властью, что дана мне по праву рождения, повелеваю каждому из вас двух претерпеть наказание четырьмя розгами. Да будут удары эти нанесены вам по обнаженным ягодицам. И да свершится сие в присутствии добрых граждан, которых можете вы сейчас тут видеть. Дабы любой из них мог всегда свидетельствовать, что наказание было понесено вами, и более вы ничего не должны моему народу, и можете продолжать беспрепятственно быть гостями в моей земле.

Палач приготовил розги. Подручные палача вступили в борьбу с пришельцами, и вот уж были обнажены ягодицы среди судилища. Но возопили тут приближенные царя:

– О, мудрейший! Ты славишься как такой среди всех народов. Так поясни же нам, темным: как можно присудить одинаковое наказание этим двум, когда из речей их явствует, сколь разнятся несомненным образом они друг от друга?

И царь отвечал подданным:

– Успокойтесь. Они ведь кто? Иноземцы. То есть они не имеют счастья (или несчастья – это уж вам судить) быть подданными моими. Зане, зачем я стану ДЛЯ НИХ искать справедливость? Пусть озаботится этим тот, кому они подданы. Моя же есть лишь обязанность: ВАС оградить от них. Пресечь, коли обнаружится в действиях чужеземцев какая-то вам опасность. Но вот я не узрел таковой. Мне стало ясно из их речей, что не замышляют против народа моего никоего зла. И только лишь непотребным шумом от пререкания своего досадили гражданам. И дракою – подавая дурной пример. И длилось это непотребное состязание четыре

ровно минуты, как мне доложил кустодий. Поэтому и приказываю воздать им действием за каждую минуту их действий, которые вызвали смятение в умах и в которых уж точно равно повинны оба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.